

РИТОРИКА АРИСТОТЕЛЯ: ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

К.Х. Рекош

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Анализ какого-либо явления, отстоящего от исследователя на тысячелетия по времени, проводимый в свете того или иного отдела знания, в любом случае высвечивает одно и затемняет другое, предпочтение отдаётся одному в ущерб другому. Так произошло с риторикой: за неё ухватилась филология, а правоведы прошли мимо. Между тем, риторическая энтимема – основа юридического рассуждения.

Хотя в наше время естественно изучение одних и тех же явлений разными науками, на античную риторику большинство исследователей продолжают смотреть как на искусство словесности. Но подход Аристотеля был скорее юридическим, нежели лингвистическим. По Аристотелю, среди четырёх требований достоинства стиля (правильность, ясность, уместность и украшенность), украшенность составляет лишь четвертую часть, а всё остальное ближе к правовым началам.

Риторика вобрала в себя все черты искусств словесности и передала их праву. Право восприняло морально-этические идеи: благо, справедливость, добродетель, ритуальность, законодательство, приёмы словесности и переубеждения, к числу которых относится и главный логический принцип права – силлогизм, используемый уже в диалектике.

По отношению к прошлому риторика перекликается с диалектикой, однако диалектика нацелена на одного человека или на говорящего, риторика же нацелена на аудиторию. В первом случае надо убедить себя, во втором случае – убедить (или переубедить) аудиторию. В этой ипостаси риторика и смыкается с правом.

Исторически риторика заменяла юридическую технику, пока та не сформировалась. Поэтому риторике – особенно в её методологической ипостаси, определённой Аристотелем – можно считать этапом эволюции права в Древней Греции, что доказывается сравнением античного института судебного процесса и судебных речей с современной юридической техникой. Сравнение показывает, что юридическая техника восприняла принципы «риторической» техники. Обобщающий методологический характер риторики Аристотеля обычно упускается из виду как лингвистами, так и юристами.

Ключевые слова: риторика, энтимема, силлогизм, красноречие, техническое искусство, методология наук, убеждение.

Если спросить юриста о праве Древней Греции IV в. до н.э., он вспомнит об ораторе Демосфене, об описанных Аристотелем 158 политиях, об аристотелевских трактатах «Афинская полития» и «Политика», но он не упомянет его «Риторику». А ведь именно здесь Аристотель ставит и решает вопросы судопроизводства в Афинах: как должен проходить судебный процесс, какими должны быть законы, как судьи должны выполнять свои обязанности (ср. инквизиционный и обвинительный процессы), на чём должно основываться решение судьи, как он должен отличать, что является фактическим деянием от риторики.

Провозглашённые Сократом *цель и принципы* нахождения способов воздействия (на присутствующих и судей) при опоре на этику, которыми должны руководствоваться ораторы, были отражены в риторике Аристотеля, а затем и в праве. Как и право, риторика сориентирована на действительность, так как предполагает изменение мнения слушающего, а право – на изменение поведения, что, впрочем, можно считать результатом изменения мнения. Цели, таким образом, сходные. Эту методологию мы видим у Платона в диалоге «Федр». В основе риторического подхода лежат философские понятия *истина и правдоподобие, справедливость и несправедливость, добро и зло, благо, счастье, законность, мера* и другие универсалии, которые действуют по отношению к риторике как принципы. Оратор должен возвыситься над конкретной ситуацией и опираться на более высокие ценности: справедливость, общий интерес, общественную пользу, высшую полезность. Поэтому оратором должен быть тот, кто даёт совет народу, преследует высшие цели, благо для всех. Большинство используемых в риторике философско-этических понятий, в том числе и описанная пирамида рассуждения, в дальнейшем перешли в право. Сократ и Платон критиковали софистов именно за то, что в их рассуждениях не было этических понятий, и они не служили определяющим критерием истины.

В подведении под более высокую категорию или принцип (иерархии) заметно то же движение мысли, которое действует сейчас в праве. Эта пирамида неизменно имплицитно или эксплицитно присутствует в рассуждении юриста, этот тип рассуждения отражён в силлогизме Аристотеля. В пирамидальном мышлении, выстроенном в системе, при условии отсутствия конкретных норм основой выступают принципы. Эти принципы философами не повторяются, но они их всегда держат в уме. Такую же иерархию мы видим в рассуждении современных юристов.

«Риторика» Аристотеля относится ко второй половине или последней четверти IV в. до н.э. Как и большинство трактатов Аристотеля, она не была предназначена для опубликования, а создавалась для преподавания, причём в течение длительного времени. «Риторика» отражает общую философскую концепцию Аристотеля и

тесно связана с такими его произведениями, как «Топика», «О софистических опровержениях», «Политика» и «Этика», в которых воплощены правовые начала того, что впоследствии объединила правовая доктрина. С позиции современной юридической техники, две первые книги «Риторики» – это основы юридического рассуждения, юридической методологии. В связи с этим возникает вопрос, сразу ли Аристотель предусмотрел третью книгу (о стиле и языке), или её добавили впоследствии, и не была ли цель его замысла чисто методологической.

Значение риторики как определённого этапа эволюции права не отмечено в трудах ведущих специалистов по Древней Греции: А.И. Зайцева, А.Ф. Лосева, С.Н. Трубецкого, И.Е. Сурикова, Э.Д. Фролова, хотя, как писал М.Л. Гаспаров, риторика 800 лет обслуживала право. Между тем Аристотель фактически выработал концепцию судебного дискурса.

Существенные расхождения в переводах «Риторики» служат подтверждением того, что и переводчики не видят в Риторике правового дискурса. Например, фразу в Книге II французского перевода: «Un autre lieu se tire des cas semblables; car un fait semblable doit nécessairement ou se produire, ou ne pas se produire» [3, с. 266] было бы логичнее перевести: «Ещё один топ выводится из подобных случаев». Что слово «cas» должно быть переведено, как «случай», подтверждается второй частью этой фразы: «ибо подобный факт должен обязательно либо произойти, либо не произойти». В русских же переводах этой фразы слово «cas» переведено как «падежи» или «грамматические формы». Так, в издании 1978 г. (Книга вторая, гл. 23, строка 20) написано [1, с. 112]: «Другой топ (получается) из одинаковых падежей, ибо (в таких случаях) одинаковым образом что-нибудь должно быть или не быть». В переводе О.П. Цыбенко 2005 г. читаем: «Другой топос получается из одинаковых грамматических форм» [2, с. 109]. В главе 13 [1, с. 62] на русском языке употреблены термины «правда, суд посредников», на французском языке – «équité, arbitrage», что не одно и то же.

Риторика представлена Аристотелем как методология правового дискурса. По закону преемственности Аристотель продолжает учения своих предшественников: Платона, эристов, диалектиков, софистов, составителей трактатов. Он чётко определяет место риторики среди других искусств, а также место красноречия как приёма. Он утверждает, что риторика сама по себе – даже не *знание*, а *искусство*. Напомним, что в Риме право очень долго не признавалось даже искусством; чтобы стать искусством, необходимо было развивать юридическую технику. Понятие «риторика» во времена Аристотеля было подчинено её методологическому статусу.

Аристотель устанавливает тесную связь между риторикой и философией и ставит цель исследовать средства убеждения с позиции

объективности, абстрагируясь от конкретных нравственных и научных начал, о чём и говорит в самом начале трактата. Он исследует все формы доказывания и виды доказательств, объясняя: как по одному и тому же предмету можно дать аргументацию *за* и *против*; как, исходя из цели, *хвалить* и *хулить*; как приспосабливаться к аудитории. Изучив софистические уловки, он определяет место «вульгарной риторики», стремясь представить все методы риторики, противопоставляя её настоящему искусству.

Установив связь риторики с этикой, философией, политикой и другими искусствами, Аристотель фактически дал начала методологии, которая, следуя по этому пути, позднее привела через *силлогистику* и *топику* к праву. Слово «связь» не очень подходит в этом случае, так как оно предполагает отдельное существование *силлогистики* и *топики*, а на самом деле риторика как техника логоса была формой их существования. Аристотель пытается примирить риторическую технику с философскими этическими требованиями, что сходно с правом.

Аристотель указал, что риторика и диалектика применимы к любому типу речи, в том числе и к такому, в котором предметом является право. Но отношения античной риторики с правом оказались весьма сложными.

Значение слова «риторика» [4, с. 38–41] на протяжении истории менялось под влиянием различных теорий, концепций, конфигурации институтов, и поэтому сегодня не соответствует первоначальному.

В диалогах Платона слово «риторика» часто употребляется наряду с «красноречием», почти как синоним. Аристотель ставит точки над *i*, делая её предметом исследования и стремясь возвести риторику, подобно диалектике, в ранг искусства. Аристотель указывает, что в имевшихся тогда трактатах по риторике основное внимание уделялось именно судебным речам и тому, как практически повлиять на судью.

Различие диалектики и риторики состоит в том, что риторика «часть и подобие диалектики... обе они лишь методы для нахождения доказательств» [1, с. 20]. Как указывает Аристотель, риторика является «отраслью диалектики и той науки о нравах, которую справедливо назвать политикой» [там же], а ведь это фактически регулирование и весьма близко к праву. Таким образом, софистика, диалектика, риторика, эристика и политика оказываются в одной общей системе представлений и механизмов регулирования, технические (логико-лингвистические) средства которых – силлогизмы, энтимемы, приемы и цели.

Дело риторики не убеждать, а в каждом отдельном случае *находить* способы убеждения, подобно врачебному искусству, задача которого не лечить, а искать способы излечения людей [там же, с. 18]. Без риторики, как и без диалектики, как пишет Аристотель, не может обойтись никто, кто формулирует высказывание.

Задача риторики состоит в том, чтобы искать пути убеждения в любой сфере, тогда она будет называться *искусством*. Именно в этом смысле можно говорить о методологии наук. При такой постановке задачи риторики значительно шире тех, которые ставились в трактатах того времени. Придавая риторике такой статус, Аристотель использует термин «риторика», а не «красноречие», в отличие от Сократа в его критике софистов.

Диалектика и риторика не являются науками о каком-либо определённом предмете, обе они – лишь метод нахождения доказательств [там же, с. 21]. Такой подход даёт возможность различать искусство мыслей и искусство слов: язык и логос. В 1 в. до н.э. Дионисий Галикарнасский напишет: «Есть два рода упражнений во всех, так сказать, речах: одни производятся над мыслями, другие – над словами» [там же, с. 167], что можно рассматривать как подтверждение методологического значения риторики. Именно анализ «мыслей» Аристотеля в судебной сфере позволяет установить некоторые параллели и аналогии с правом.

Человеку в публичной жизни приходится высказывать мнение, оправдываться, обвинять, советовать. В соответствии со своими способностями и привычками, одни действуют случайно, почти бессознательно, другие – по определённой «стратегии». Своей «Риторикой» Аристотель развивает искусство достижения поставленной цели, воздействия на аудиторию. Можно изучать, в частности, словесную систему аргументации, ибо, как пишет Аристотель, «только доказательства обладают признаками» риторического искусства. Но их можно изучать лишь при правильно организованном судебном процессе, какковым Аристотель считает судебный процесс в Афинах, где задача тяжущегося ни в чём другом не состояла, «как в доказательстве самого факта: что он имеет или не имеет, имел или не имел место». При неправильно организованном судебном процессе на решение судьи могли оказывать воздействие клевета, плач родственников, свидетели. Афинский суд устроен надлежащим образом благодаря надлежащему устройению полиса: в Ареопаге не разрешалось говорить не по существу дела. Речи не по существу, не имеющие отношения к доказательствам, Аристотель называет *аксессуарами* (*prosthēcai*) [там же, с. 15]. Используя сократовский метод деления, Аристотель различает речи *по существу* и *не по существу* (первое деление).

Основой ораторского искусства являются только доказательства, а в доказательствах – энтимемы. Энтимема – *логическое доказательство, часть которого подразумевается, что отражено в греческом слове enthymema (то, что находится в уме)*, поэтому оно высказывается не полностью [там же, с. 293 (примечание)]. Энтимема, т.е. силлогизм, используемый в судебной сфере, неизбежно приводит к выводу. Каждый раз из двух посылок можно создать новое *умозаключение*. Силлогизм – венец доказывания с помощью

слова, словесная форма правовой защиты, сменившая кулачное право, ордалии и т.д.

Аксессуары являются клевета, гнев, страдание. Их пускают в ход там, где устройство суда допускает возможность воздействовать на судью. По утверждению Аристотеля, существовавшие до него трактаты посвящены описанию именно этих аксессуаров. Если суд устроен надлежащим образом, тогда доказательство будет *по существу* (ср. с французским термином *au fond*).

Речь тяжущегося касается только установления самого факта (имел он место или нет), а заслуживает ли ответчик наказания, должен определить закон, которым руководствуется судья. Если закон молчит, судья решает, не опираясь на мнение тяжущегося. Судья не должен заимствовать у тяжущихся мнение даже относительно справедливости/несправедливости, важности/неважности и т.д., если это не предусмотрено законом. Закон считается хорошо составленным, если не оставлено места произволу судьи, утверждает Аристотель [там же, с. 16]. Воздействие на судью должно быть запрещено законом. Проблема заключается в том, что закон является всеобщим, а суд рассматривает частные случаи, и судьям приходится толковать законы. Например, во Франции, чтобы предотвратить судебный произвол, судья обязан судить по закону, а не по справедливости. Таким образом, в рассуждении должен учитываться тип суда. Рассуждение строится, исходя из *институциональных различий* речей, которые были отражены в соответствующих установках. В эпидейктической речи бесполезно говорить не по существу, в ней решение должно быть связано с общим интересом и касаться того, кто принимает решение. Цель речи – показать, что дело соответствует тому, что говорит оратор. Судебная речь должна быть по существу, она касается отношений между лицами. Таким образом, эпидейктические речи перекликаются с публичным правом, судебные речи – с частным.

Для Риторике Аристотеля самым главным является поиск сути доказательств. Из способов убеждения Аристотель различает *нетехнические средства* и *технические средства* (второе деление). *Нетехнические средства* – это средства, относящиеся к судопроизводству: дознание, свидетельские показания, допросы под пыткой, письменные договоры. Эти средства Аристотель сознательно отличает от средств словесности, указывая, что в предшествующих трактатах они описаны. К сожалению, до нас они не дошли, но данное указание Аристотеля служит свидетельством наличия элементов юридической техники в Древней Греции. *Технические средства* – это средства, разработанные риторическим искусством (от греч. *technē* — *искусство, мастерство, умение*). Поиск технических способов – это и есть основная часть риторики, которая называется *нахождением* (*inventio*). Выбор технических способов определяется, прежде всего, целью выступающего, зависит от института, где речь

произносится, от аудитории, выступающего, необходимости использования риторики, возникающей при возможности двойного решения. В риторическом методе различают убеждение и всё остальное.

Как известно, риторика представляет собой конгломерат из 5 частей: *inventio*, *elocutio*, *dispositio*, *actio*, *memoria*, которые коррелируют с составными частями права как регулятора. Способы нахождения доказательств являются *наведение* (пример) и *энтимемы* (силлогизмы), т.е. методы, используемые в диалектике [там же, с. 19]. Это означает, что они существовали до Аристотеля, он лишь собрал их в систему, определил место в судебном процессе.

Основа доказательств, относящихся к риторическому искусству, лежит в энтимемах. Именно они являются *предметом* и *объектом* исследования Аристотеля, в этом он видит смысл риторики как *технэ*.

Как строить энтимемы? Возражения, например, как утверждает Аристотель, можно заимствовать четырьмя способами: из самого предмета, из подобного ему, из противоположного или из уже обсуждённых предметов [там же, с. 123]. Энтимема вытекает из четырёх источников, которые суть правдоподобие, пример, доказательство, признак. Аристотель подробно разбирает случаи уничтожения силлогизмов на основе четырёх источников путём возражения, противопоставления, соотнесения их с действительностью и правдоподобия. Существуют в то же время энтимемы, основанные на доказательствах, которые нельзя уничтожить. Это так называемые *неопровержимые доказательства*, используемые в суде. Все вышеизложенные положения показывают основы, на которых в дальнейшем будет строиться юридическое рассуждение – составная часть юридической техники.

Изложив всё, что касается мыслительной деятельности, источников, родов и видов доказательств, Аристотель посвятил третью часть вопросам стиля речи и композиции. Согласно своему взгляду на риторику как на способ убеждения, Аристотель рекомендует в Книге третьей «Риторике» деление речи на две части: первая часть – изложение (*prothesis*); вторая часть – способ убеждения (*pistis*). В первой части должен быть как бы вопрос и ответ на него, во второй – решение [там же, с. 151], и до сих пор в правовых комментариях используется двухчастная форма. В крайне синтезированной виде её можно выразить как задачу и её решение (убеждение). Аристотель критикует принятое в его время деление речи на четыре части: «как делят теперь, так это просто смешно» [там же]. Он объясняет, что принятые четыре части речи (предисловие, изложение, способ убеждения, заключение) могут не подходить к некоторым видам речей, ибо композиция не безразлична к поставленной цели и содержанию речи. Например: ответчику обвинение следует приводить в начале речи, а обвинителю – ставить его в

конец. Аристотель специально объясняет, как надо опровергать обвинение, что чрезвычайно полезно для адвокатской деятельности. Внимание наиболее интенсивно в начале речи, далее оно ослабевает, поэтому привлекать внимание надо не в начале речи, а в конце.

Итак, речь сводится фактически к двум частям. Это как бы задача (первая часть) и её решение (вторая часть), или как бы вопрос (1) и ответ на него (2). Такая композиция вполне отвечает диалектическому методу, ведь Аристотель говорил о близости риторики и диалектики с точки зрения их всеобщности и логической идентичности (имеются в виду силлогизмы и наведения).

В «Риторике» читаем: «Между энтимемами есть одно громадное различие, совершенно забываемое почти всеми исследователями, оно – то же, что и относительно диалектического метода силлогизмов; заключается оно в том, что одни из энтимем образуются согласно с риторическим, а также с диалектическим методом силлогизмов, другие же согласно с другими искусствами и возможностями; из которых одни уже существуют в законченном виде, а другие ещё не получили полной законченности. Вследствие этого люди, пользующиеся ими, сами незаметно для себя, пользуясь ими больше, чем следует, выходят из своей роли простых ораторов», «силлогизмы диалектические и риторические касаются того, о чём мы говорим общими местами – топами (*topoi*); они общи для рассуждений о справедливости, о явлениях природы и о многих других, отличных один от другого предмета» [там же, с. 23]. Это означает, что, пользуясь энтимемами, человек создает определённый набор выводов, которыми можно описать какую-либо сферу. Цепочка выводов уводит оратора от конкретного вопроса и создаёт целую сферу. Аристотель различал общие энтимемы, касающиеся универсалий, и частные энтимемы. «Частными же я называю энтимемы, которые выведены из посылок, относящихся к отдельным родам и видам явлений. Что же касается энтимем второго рода, то чем лучше мы будем выбирать посылки, тем скорее незаметным образом мы образуем область науки, отличной от диалектики и риторики, и если мы дойдём до основных положений, то будем иметь перед собой уже не диалектику и риторику, а ту науку, основными положениями которой мы овладели. Большая часть энтимем выводится из этих частных специальных

положений; из топов их выводится меньше» [там же, с. 24]. Таким образом, различая общие и частные энтимемы, Аристотель показывает путь конструирования понятийного аппарата каждой из наук. Выведение энтимем на основе казусов могло бы привести к созданию понятийного аппарата права, однако Аристотель этого не делал. Более того, в силлогизмах и энтимемах Аристотеля нормы (законы) не заняли места большой посылки, у него имеются топы (общие места) и универсалии. Некоторые считают, что о праве можно говорить, когда в большой посылке появится норма. Хотя Аристотель напоминал о праве, он имел в виду риторику как методологию наук. Он осуществил научный подход с целью выработки отдела знания и установления его связи с другими отделами знания, что существенно отличается от филологического взгляда на риторику.

В свете сказанного убеждение можно применять к набору положений, постулатов для создания любой науки, например, этики и права [там же, с. 48]. Идея риторики как методологии любой науки не была воспринята. Сравнение риторики с правом в Древней Греции показывает, что право восприняло многие черты риторики, которые позже чётко обозначились в континентальном праве. При таком методологическом подходе наиболее значимым моментом юридической техники является построение силлогизма (энтимемы) как метода юридического рассуждения.

Всё вышесказанное свидетельствует о том, что риторика Аристотеля – не просто искусство словесности, не просто убеждение как логический и лингвистический приём. Аристотель показал, что главным в убеждении является логос (искусство мысли), а отнюдь не элоквенция (красноречие). Элоквенция – это методологическое искусство, ибо *reitho* поднимается до методологии искусств. По проблемам риторики Аристотель написал ещё два трактата (утраченные): *le Gryllos* («Диалог с молодёжью») и *Sunagôge Tekhnôn* («Сборник искусств») [4, с. 63].

Пока было недостаточно правовой материи, риторика была востребована. Силлогизм отражал логику юридичности. Конец спроса на риторику, т.е. конец её существования, объясняется развитием права. Поэтому теперь, несмотря на возрождение риторики в её истинной ипостаси, восстановленной Х. Перельманом, она вряд ли возродится в своей былой славе, ведь теперь уже действует право во всей его мощи.

Список литературы

1. Аристотель. Риторика. Сб. Античные риторики. М.: Изд-во Московского университета, 1978. 352 с.
2. Аристотель. Риторика (перевод с древнегреческого и примечания О.П. Цыбенко, под ред. О.А. Сычева и И.В. Пешкова). Поэтика (перевод В.Г. Апелльота под ред. Ф.А. Петровского/ Комментирующая статья В.Н. Марова). Изд. 2, переработанное. Москва: Лабиринт, 2005. 256 с.
3. Aristote Rhétorique. Le livre de poche Classiques de la philosophie. Librairie Générale Française, 1991. 407 p.
4. Pernot L. La rhétorique dans l'antiquité. Le livre de poche, Librairie Générale Française, 2000. 351 p.

Об авторе

Рекош Карина Хаджиевна – к. филол. н., доцент кафедры французского языка №1 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: karinarekosh@mail.ru.

RHETORIC BY AVISTOTEL: A LEGAL VIEW**K.Kh. Rekosh**

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *Analysis of any phenomenon, which is far from the researcher for thousands years, in the light of this or that department of knowledge, highlights one and obscures another, prefers one over another. It happened to the rhetoric which was snatched by philology and neglected by lawyers.*

Although nowadays it is natural that the same phenomena are studied by different Sciences, the ancient rhetoric is looked at by most researchers as the art of philology. But the approach by Aristotle, in his Rhetoric, was legal rather than linguistic. Among the Aristotle's 4 requirements concerning good style (correctness, clarity, relevance and eloquence) eloquence is only ¼ and the ¾ are closer to the law.

Rhetoric has incorporated all the features of linguistic mechanisms and gave them to the law. The law perceived moral and ethical ideas: the good justice, virtue, ritual, law and techniques of philology and persuasion, among which the main one is syllogism already used in the dialectic, the main logic principle of legal reasoning.

Towards the past, rhetoric is parallel to dialectic, but dialectic is focused on one person or on the speaker, and rhetoric aims at the audience, the first one tries to convince himself and the second tries to convince the audience and in this role rhetoric is linked with the law.

As far as the evolution of law is concerned, instead of legal technique there was rhetoric (especially in its methodological form, defined by Aristotle), which can be considered as a step towards creating the law as a design in ancient Greece. It is proved by a comparison of the ancient institution of judicial process and judicial speeches with modern legal technicalities, which shows that the legal machinery embraced the principles of "rhetorical" technique. The methodological nature of the rhetoric by Aristotle is usually overlooked by linguists and lawyers.

Key words: rhetoric, enthymeme, syllogism, eloquence, technical art, methodology of sciences, persuasion.

References

1. Aristotle. Rhetoric. Sb. Ancient rhetorics. M.1978, 352 p.
2. Aristotle. Rhetoric. Translated by O.Tzybenko, ed.2, M.: 2005, 256 p.
3. Aristote Rhétorique Le livre de poche Classiques de la philosophie Librairie Générale Française, 1991, 407 p.
4. Pernot. Laurent La rhétorique dans l'antiquité, Le livre de poche, Librairie Générale Française, 2000, 351 p.

About the author

Karina Kh. Rekosh – Ph.D in philology, associate professor of the Department of French language N1 of Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia.
E-mail: karinarekosh@mail.ru.